

Неолиберальный постмодерн и гиперимпериализм

Мисько О. Н.^{1, *}, Сысоев Ф. И.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация;
* misko-on@ranepa.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Российская Федерация;
karfagen97@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье описывается трансформация идеологии либерализма и связанных с ним практик экономической доминанции на этапе перехода от социально-философской парадигмы модерна к парадигме постмодерна.

Цель. Определить связь, присутствующую между риторикой современного либерализма, парадигмальными установками постмодерна и тенденциями в эволюции мировой экономической системы.

Задачи. Рассмотреть исторические условия формирования либеральной и неолиберальной идеологии; определить место неолиберального дискурса в идеологическом ландшафте современности; соотнести его с другими актуальными дискурсами, которые претендуют на объяснение экономических, социальных и культурных процессов; проанализировать особенности современных практик экономической доминанции развитых стран по отношению к остальному миру.

Методология. В статье при помощи логического анализа устанавливаются характерные особенности современной либеральной идеологии, позволяющие говорить о новом этапе в истории развития либерализма. Сравнительный анализ позволяет выявить точки схождения либерализма на данном этапе с другими идеологическими направлениями современности. Вместе с этим статистический анализ позволяет увидеть важные факторы экономического характера, препятствующие сокращению дистанции между развитыми и развивающимися странами.

Результаты. Исследование показало, что к настоящему моменту либеральный дискурс претерпел значительные изменения, что позволяет говорить о совершенно новом этапе в развитии либеральной идеологии. Значительное влияние на него оказал общий парадигмальный сдвиг, затронувший весь спектр социально-экономической мысли на излете XX в., который мы определяем как интенсифицирующийся переход от парадигмы модерна к парадигме постмодерна. Однако анализ исторического пути империализма и присущих ему практик доминанции также позволяет говорить о его существенной трансформации в условиях постиндустриальной экономики и информационного общества. Параллельное рассмотрение этих аспектов (идеологического и практического), непрерывное соотнесение теории с экономическими реалиями позволяет авторам определить такое комплексное понятие, как гиперимпериализм. Этот термин предлагается использовать для обозначения специфической формы империализма в условиях постиндустриального уклада. При этом в качестве его ключевой особенности берется внутренняя неотделимость различных видов экспансии — экономической, идеологической и, шире, цивилизационной.

Выводы. В условиях масштабной социально-экономической и идеологической трансформации, имеющей глобальный характер, возрастает потребность в новых формах и средствах противостояния экономической гегемонии и поиска пути к самостоятельному экономическому и социальному развитию.

Ключевые слова: постмодерн, неолиберализм, гиперимпериализм, постиндустриальная экономика, информационное общество

Для цитирования: Мисько О. Н., Сысоев Ф. И. Неолиберальный постмодерн и гиперимпериализм // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 49–60.

Neoliberal Postmodernity and Hyperimperialism

Oleg N. Misko^{a,*}, Philipp I. Sysoev^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; karfagen97@mail.ru

^b St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; * miskko-on@ranepa.ru

ABSTRACT

The article describes transformation of the ideology of liberalism and the associated practices of economic domination at the transition stage from the socio-philosophical Modern paradigm to Postmodern paradigm.

Aim. Identify the link between the rhetoric of modern liberalism, Postmodern paradigms and trends in the evolution of the world economic system.

Tasks. Consider the historical conditions for the formation of liberal and neoliberal ideology; determine the place of neoliberal discourse in the ideological landscape of our time; correlate it with other relevant discourses that claim to explain economic, social and cultural processes; to analyze the features of modern practices of developed countries economic domination in relations with the others world countries.

Methods. The article, using logical analysis, establishes the main features of modern liberal ideology, allowing us to talk about a new stage in the history of the liberalism development. Comparative analysis allows us to find out the points of liberalism convergence at this stage with other ideological directions in present time. However, statistical analysis reveals important economic factors impeding the reduction of the distance between developed and developing countries.

Results. The study showed that to date, the liberal discourse has undergone significant changes, which allows us to talk about a completely new stage in the development of liberal ideology. On the one hand, it was significantly influenced by a general paradigm shift that affected the entire spectrum of socio-economic thought in the 20th century, which we define as an intensifying transition from the Modern paradigm to the Postmodern paradigm. On the other hand, the analysis of the historical path of imperialism and its inherent practices of domination also allows us to talk about its significant transformation in the conditions of the post-industrial economy and the information society. Parallel consideration of these aspects (ideological and practical), the continuous correlation of theory with economic realities allows the authors to define such a complex concept as hyper imperialism. This term is proposed to be used to refer to a specific form of imperialism in a post-industrial manner. At the same time, the intrinsic inseparability of various types of expansion — economic, ideological and, more broadly, civilizational — is taken as its key feature.

Conclusion. In the context of a large-scale socio-economic and ideological transformation of a global nature, the need for new forms and means of confronting economic hegemony and finding a path to independent economic and social development is increasing.

Keywords: postmodern, neoliberalism, hyperimperialism, post-industrial economy, information society

For citing: Misko O. N., Sysoev Ph. I. Neoliberal Postmodernity and Hyperimperialism // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 49–60.

После распада Советского Союза и появления на его пространстве многих независимых государств перед ними объективно встал вопрос о выборе пути самостоятельного развития. Часть из них выбрала

путь ориентации на цивилизационный код Запада, другие начали развивать интеграционные процессы на других принципах. Однако и в первом, и во втором случае всем этим странам пришлось столкнуться с активным влиянием Запада, которое оказывало и продолжает оказывать разнонаправленное воздействие на их развитие, что объективно требует анализа тех глубинных процессов, которые формируют западный цивилизационный код.

В наиболее общем виде цивилизационный дискурс Запада лежит в развитии либерализма как категории, в рамках которой происходило становление рыночных отношений, и капитализма как социально-экономической системы, построенной на их использовании. В настоящей статье авторы попытаются проанализировать этот дискурс, определить закономерности и признаки фазового перехода от либерализма к неолиберализму на основании изучения перехода от модерна к постмодерну как западной цивилизационной оболочки, а также выяснить, насколько этот переход определяет отношение Запада к его окружению, какие экономические политики и тренды развития он может продуцировать в ходе реализации своей внешнеэкономической рефлексии.

Трансформация либерализма

В общественных науках является общепринятым выделение трех исторических типов общества — аграрного, индустриального и постиндустриального, которым соответствуют три типа экономических укладов. В то же самое время можно выделить три фундаментальные парадигмы, последовательно сменявшие друг друга на Западе: премодерн, модерн и постмодерн [11]. Сопоставить аграрный и индустриальный типы соответственно с традицией и модерном исторически и логически достаточно просто. Однако проблема нахождения глубинных социокультурных соответствий между постмодерном и постиндустриальным укладом является куда более сложной. Несомненно, однако, то, что процессы «вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна» [16, с. 14] шли и продолжают идти параллельно. При этом в смене данных общественных типов трудно не заметить отчетливую цивилизационную специфику. Следовательно, вскрытие соответствия между экономическими укладами и данными «культурными формациями» позволит полнее показать цивилизационную природу современной экономической системы. Это, в свою очередь, будет важным теоретическим шагом на пути обоснования плюральности экономических систем и перехода к многополярному миру. Однако сегодня происходящие трансформации продолжают объясняться на языке детерминистского прогрессизма. На наш взгляд, эта риторика имеет своей целью скрыть тотальность не просто экономического, но и парадигмального доминирования одной цивилизации в глобальном масштабе. Поэтому в данной работе мы будем затрагивать ее идеологическое измерение, подчеркивая, где необходимо, соответствия между экономической теорией и философским дискурсом. Отметим, что такого типа соответствия присутствуют в большом количестве — в силу того, что оба направления мысли (экономической и философской) являются проекциями экзистенциальных установок конкретной цивилизации на соответствующие области.

Литературу, на основании которой можно проводить рассмотрение указанного выше вопроса, можно условно разделить на четыре основных типа. Первый тип является синтетическим и включает в себя четыре подгруппы. К нему относятся, во-первых, представители классического либерализма (А. Смит, Д. Рикардо), неолиберализма и либертарианства, включая неотделимую от них австрийскую экономическую школу (М. Фридман, Ф. Хайек, Л. Фон Мизес, М. Ротбард, А. Рэнд). Во-вторых, идеологи глобализации и Четвертой промышленной революции (К. Омаэ, К. Шваб). В-третьих, представители постмарксизма (З. Бауман, Д. Харви, И. Валлерстайн, А. Негри, М. Хардт). В-четвертых, анти / альтерглобалисты самых разных направлений (Дж. Рифкен, Н. Кляйн, Дж. Стиглиц).

Ко второму типу относятся философы-постмодернисты (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко, Б. Латур, П. Фейерабенд, М. Маффесоли, Дж. Ваттимо).

К третьему типу можно отнести мыслителей — социологов, философов, историков, антропологов, обосновавших цивилизационную и антропологическую плюральность (О. Шпенглер, А. Тойнби,

К. Леви-Стросс, Ф. Бродель, М. Мосс, А. Корбен, Ж. Дюмезиль, С. Хантингтон, Н. Данилевский, Л. Гумилёв, А. Дугин).

К четвертому типу относится литература, посвященная анализу современного общества и современной экономики, учитывающая ее постмодернистское состояние (В. Иноземцев, Л. Ионин, А. Панарин, Ю. Осипов).

Поскольку основной идеологией эпохи модерна исторически являлся именно либерализм, то на стадии фазового перехода к новой парадигме необходимо проследить трансформации этой идеологии. Очевидно, что в конце 70 — 80-х гг. ярко обозначились признаки коренной трансформации индустриальной цивилизации. Этот процесс был связан, во-первых, с третьей промышленной (цифровой) революцией и, во-вторых, с полной победой либеральной идеологии (отход от кейнсианства, кризис марксизма). Однако эта победа не означала триумф модернизма. Более того, как считает Иммануил Валлерстайн [4], вместе с поражением марксизма наступил тяжелейший кризис самого либерализма. Дело в том, что с уходом со сцены основного идеологического и экономического противника идея модернизации, на которой основывался классический либерализм, не смогла больше скрывать свою несостоятельность: энергетические, долговые и финансовый кризисы показали иллюзорность попыток стран третьего мира догнать в развитии первый мир. Сама же идея модернизации вытекала из общей парадигмы Просвещения, что определяло ее основное содержание: данная теория предполагала, что для преодоления отставания необходимо проделать тот путь, который прошли в своем экономическом развитии страны первого мира (спорность этого подхода была выявлена еще школой депендентизма). Валлерстайн, поставив диагноз либерализму, совершенно логично подвел черту и под «проектом Просвещения». Итак, кризис модернизации был зафиксирован. Но в отношении идеологии либерализма, однако, ситуация обстоит гораздо сложнее. На наш взгляд, общий термин «либерализм» необходимо рассмотреть более подробно, поскольку под этим общим названием исторически в разные периоды существовало несколько идеологических течений: «классический» либерализм Адама Смита и Давида Рикардо; «социальный» либерализм XX в., а также «неолиберализм» и «либертарианство».

Наше предположение состоит в том, что вместе с идеей модернизации себя исчерпал именно модернистский либерализм, основанный на ценностях эпохи Просвещения, тогда как либертарианство и неолиберализм представляют вместе идеологию, имеющую отношение к иной парадигме. Такой подход позволит снять противоречие между кризисом модернизации, который Валлерстайн отнес к 1989 г., и одновременным стартом неолиберальной глобализации. Вместе с модернизацией, модерном и Просвещением себя исчерпал именно прежний либерализм (в своей классической или «социальной» форме), тогда как новый либерализм, ставя перед собой иные цели и оперируя с другими ценностями, продолжает оставаться доминирующей идеологией. Раскроем чуть подробнее их соотношение, указав также на некоторые причины, по которым «старый» либерализм переродился в нечто качественно иное. Учитывая, что чисто экономические причины этой метаморфозы на данный момент описаны уже достаточно хорошо (например, Дэвидом Харви [27]), сфокусируем внимание именно на внутренней логике развития либеральной идеологии, неразрывно связанной с логикой трансформации самого модерна.

В отношении классического либерализма можно сказать, что эта доктрина, как и любая доктрина эпохи модерна, оперировала идеей не только индивидуального, но и общего блага. Из этого следовали две характерные особенности этой идеологии. Во-первых, вслед за Джоном Локком она принимала *необходимость определенного разумного государственного участия*, имеющего целью «просветить» граждан. Это делало ее «половинчатой, компромиссной философией, которая пыталась определить соответствующие сферы для личности и для правительства» [19, с. 21]. Учитывая это, можно сказать, что если формирование политического либерализма, как и построение национального государства на заре модерна, было первым шагом на пути высвобождения политического субъективизма, то его демонтаж в контексте общего кризиса модерна — вторым. Во-вторых, признавая данность индивидуализма (эгоизма), классический либерализм, однако, не отрицал идею и по-

лезность социальной сплоченности. Принимая индивидуализм как данность человеческой природы, он не признавал его в качестве моральной ценности — на этом этапе либерализм в основном разводил экономические и этические вопросы (крайней формой такого смещения акцентов становится фактическая аннигиляция этики рациональностью, воплощенная в утилитаризме Джереми Бентама). Более того, можно сказать, что в социальном отношении основной целью либерализма являлось *укрепление социального порядка на рациональных основаниях*. Экономической формой воплощения вышеуказанного стремления должен был являться свободный рынок, а в качестве политической формы предлагалась демократия. И так, как идеология либерализм являлся попыткой найти компромисс между индивидуальной свободой и интересами коллектива. В качестве хрестоматийного примера разрешения этой проблемы в оптике классического либерализма можно привести сатиру Бернарда Мандевиля «Пчелы», где эгоистические устремления отдельных лиц шли на пользу всему обществу. По сути, уже здесь между индивидуализмом и рационализмом (двумя коренными свойствами парадигмы модерна) был поставлен знак равенства — при допущении, что он пойдет на пользу всему обществу. В новом либерализме это допущение уже не делается: ведь, по сути, социальная сплоченность входит в противоречие с рационализмом. Бертран Рассел пишет: «человечество никогда не достигло бы успеха в установлении (социальной сплоченности) только разумными доводами» [19, с. 23] в силу того, что разум в принципе «враждебен социальной связи» [Там же, с. 22].

Выше мы отметили, что в целом (хотя и в сильно измененной форме) либерализм пережил разоблаченную как теоретически, так и практически идею модернизации. Важно проследить, в каких аспектах неолиберализм наследует классический либерализм (а вместе с ним и модерн), а в каких — отвергает. Связь неолиберализма со старым («классическим») либерализмом ожидаемо проходит по смысловой линии собственность — свобода, постулируя необходимость экономического индивидуализма. В то же самое время модернистский «запрет на создание гибридов» [15] снимается, и в результате в неолиберализме мы уже видим признание экономического индивидуализма не явлением рационального порядка, а моральной ценностью. В качестве яркого примера можно привести «добродетель эгоизма» у объективистов. Что касается австрийского направления либерализма, из которого, по сути, и выходит либертарианство, то там мы также видим «превращение индивидуализма в метафизику» [10, с. 430].

Преодолевая «компромиссность» и допущения классического либерализма, новый либерализм принимает намного более радикальные формы, гораздо менее связанные с социально-политическими и культурными ценностями модерна. Во-первых, основным требованием новой идеологии стало немедленное, бескомпромиссное *устранение государства* из всех сфер общественной жизни. Во-вторых, неолиберализм принимал во внимание обнаруженную невозможность практического сочетания индивидуализма (интересов капитала) с интересами и целями общества, приведшую к самоподрыву классического модернистского либерализма. Теперь *интересы общества уже не принимались во внимание* (более того, Маргарет Тэтчер заявила, что «общества никогда не существовало» [27]).

В результате этих идеологических ревизий классический либерализм был заклеен как «утилитаризм», а «классические либералы в конце концов получили клеймо консерваторов» [20, с. 25]. Соответственно, неолиберализм уже не ставит перед собой и задачи построения богатого национального государства (государство всеобщего благосостояния, *welfare state*), которое отныне определяется как «социальное милитаристское государство» [Там же, с. 27]. В новую эпоху приоритеты меняются, и место старых базовых структурных единиц мировой экономики занимают новые субъекты. Так, место «национальных государств» (*nation state*) в качестве основных экономических субъектов занимают, по мнению Киничи Омаэ, «регион-экономики» (*region economies*) [29].

Либертарианство и постмодернизм

Вместе с тем у либертарианцев присутствует радикальное переосмысление такой базовой ценности эпохи модерна, как демократия. Сменить ее, по их мнению, должна власть меньшинств,

осуществляемая не политически, а экономически: Милтон Фридман говорит о капитализме как об экономике меньшинств [22, с. 48]. Соответственно, политическая власть, выстраиваясь теперь по новым принципам, переходит к дерегулированию экономических процессов. Этот «метод властвования, основанный на институте неуверенности», естественным образом ведет к индивидуализации рисков, и в подобных условиях «история сжимается до (вечного) настоящего, и все вертится вокруг собственного я и личной жизни того или иного человека» [1, с. 27]. Так на социально-экономическом уровне осуществляется переход к «постобществу» — обществу с максимально редуцированной социальностью [2].

Схожим образом можно проследить близость взглядов представителей двух идеологий на мере отношения к другой базовой ценности модерна — общеобязательному образованию. Так, у Мюррея Ротбарда присутствует требование отделения образования от государства подобно тому, как в свое время была отделена от него церковь. Эта позиция в точности соответствует как логике освещения данной проблемы у Пола Фейерабенда [21], так и описанию репрессивной функции государственных учреждений (в частности, школы) у Мишеля Фуко [23].

Общим для новых либералов и теоретиков постмодерна является также принципиальный *анти-историцизм*. У Хайека можно встретить критику «исторического активизма» [24], у Поппера — неприятие попыток понять общественную жизнь на основе интерпретации истории [18, с. 37]. В той мере, в какой деконструкция любого метанарратива является лейтмотивом постмодернизма, можно утверждать, что в новом либерализме *ставится под сомнение сам прогресс*. Это возможно постольку, поскольку представление о нем несет на себе отпечаток историцизма; как отмечает Гиддэнс, «божественное предопределение было заменено [в модерне] предопределенным прогрессом» [7, с. 168].

В качестве еще одного примера можно рассмотреть одну из центральных концепций неолиберальной экономической теории — концепцию человеческого капитала, основателями которой были Теодор Шульц и Гэри Беккер, представители Чикагской экономической школы. Неолиберальное определение труда, принявшее форму «человеческого капитала», Фуко описывал как ансамбль «машина / поток» [28, р. 224]. Ключевым здесь является слово «машина», которое представляет собой аллюзию к известному концепту «машины желаний» [9]. Действительно, в неолиберальной теории человеческий капитал играет роль подобной машины: трудящийся представляет собой в одном лице предпринимателя и предприятие по производству удовольствия для самого себя. Таким образом, можно с легкостью установить смысловое соответствие между категорией человеческого капитала, являющегося частью «всеобъемлющей технологии» (Шульц), и важным элементом постмодернистского дискурса.

Выше мы указали на ряд моментов, идейно роднящих новый либерализм с постмодернизмом. Определим теперь среду, к которой обращаются оба этих идейных течения, которую они описывают и в которой находят, так или иначе, возможности для достижения своего социального идеала. Речь идет о глобальном постиндустриальном капитализме, существование которого стало возможным благодаря неолиберальным экономическим преобразованиям. Суть этих преобразований заключалась в детерриторизации и раскодировании всевозможных потоков, а их результатом стала новая экономическая система, работающая на свободных потоках денег, информации, рабочей силы и технологий [29]. В принципе, это описание полностью соответствует характеристике капитализма как системы, работающей на аксиоматике раскодированных потоков, данной «классиками» постмодернизма [9].

Между дискурсом постмодернистов и теорией неолиберализма существуют, безусловно, значимые различия. Во-первых, подавляющее большинство идеологов постмодерна либо «прошли через период марксизма, либо до конца находились под воздействием марксовских теорий и доктрин» [12, с. 45], а сам постмодернизм в определенном отношении можно рассматривать как новое издание марксизма. В то же время очевидно, что сама капиталистическая система обладает мощным ретерриторирующим, ограничивающим и вместе с тем организующим потенциалом, т. е. по ряду параметров не подходит на роль «экономической системы» постмодерна. Здесь, однако, необходимо учесть

своеобразное отношение марксизма к капитализму, историческую задачу которого он видит в конструировании той реальности, в которой станет возможен переход к следующей формации. Поэтому нет ничего удивительного и в том, что теоретики постмодерна описывают капиталистическую реальность в категориях постмодернизма и видят в ней целый ряд его проявлений.

Итак, можно сказать, что развитие технологий в информационном обществе конструирует новую экономическую реальность — новую социальность, т. е. меняет характер социальных связей. Коммуникационная составляющая «становится с каждым днем все явственнее» [16, с. 46]. Конечно, существующая система *старается всячески удерживать ее под своим контролем, но в то же время она же сама ее создает*. С одной стороны, «решающие инстанции могут попытаться управлять этими облаками социальности» [Там же, с. 11], но, с другой стороны, «даже самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют» [16, с. 45]. Сходную мысль высказывает и другой теоретик постмодернизма, Джанни Ваттимо. Согласно его мнению, логика рынка информации требует того, чтобы как можно больше голосов было услышано, а возможность высказываться, которую получают всевозможные субкультуры, оказывается нерасторжимо связанной с финалом европейского империализма [6, с. 12]. А значит, в новой социальности скрыт определенный революционный потенциал, противостоящий кодированию со стороны техники и управляющих ею групп.

Таким образом, постмодернизм, как и марксизм, обладает очень специфическим отношением к доминирующей системе — он наследует марксистскую позицию в отношении роли капитала в ее развитии. Впрочем, большой пессимизм в связи с этим выражает Бодрийяр, описывая наиболее вероятную, по его мнению, ситуацию: «Будут хозяева создающей сети — денег, информации, технологий — и будут изгои, которых абсолютное большинство» [3, с. 199]. Причем специфика нового типа контроля будет определяться технократическим характером «информационной» цивилизации. По мере того как функции управления все более будут передаваться технике, решающую роль будет играть новый «правлящий класс», который будет способен «давать информацию, которую технические средства должны держать в своей памяти, чтобы принимать правильные решения» [Там же, с. 43].

Со стороны либерализма также существуют подобные опасения. В узко экономическом смысле их сущность можно выразить в следующем фундаментальном вопросе: «Что является более ценным — владение платформой или базовым активом?» [25, с. 34]. Сам Шваб высказывает серьезные опасения, что решающую роль будет играть именно первый фактор. Таким образом, серьезнейшая проблема «наличия цифровых имущих и неимущих» [8, с. 147] отчетливо фиксируется и среди идеологов нового экономического порядка. Шваб видит выход в повышении общего уровня благосостояния, рассчитывая таким образом, что экономический рост если и не решит, то сделает малозначимой проблему имущественного неравенства. Иной точки зрения придерживается Бодрийяр: по его мнению, рост не может быть средством преодоления неравенства, так как он сам как социальный феномен является основным средством создания и поддержания неравенства в обществе [26]. Не могут решить проблему неравенства и тенденции, связанные с развитием человеческого капитала. В частности, проведенные исследования позволяют заключить, что доля человеческого капитала в общем доходе не растет. Для наглядной иллюстрации этого факта можно привести статистические исследования [17], которые демонстрируют устойчивое повышение доли доходов от «классических» форм капитала, начиная с момента старта неолиберальной глобализации. За сорок лет в богатых странах эта доля возросла с 15–25% до 25–35%¹. Это свидетельствует о том, что в перспективе владение технологиями будет являться ключевым фактором в распределении создаваемого богатства, что в целом совершенно естественно ввиду того, что в ходе любого масштабного технологического сдвига эластичность замещения труда капиталом высока, а на данный момент мы находимся как раз в начале новой промышленной революции.

¹ World Wealth & Income Database [Электронный ресурс]. URL: <http://wid.world/> (дата обращения: 20.01.2018).

Гиперимпериализм

Для описания ситуации, которую фиксируют все три из рассматриваемых идеологий — либерализм, постмарксизм и постмодернизм, мы предлагаем ввести концепт *гиперимпериализма*. Это понятие может интерпретироваться достаточно широко для того, чтобы учесть точки зрения различных интеллектуальных течений. Это понятие также способно охватить и весь спектр традиционных проблем. Одной из таких проблем является, безусловно, разрыв между «ядром» и «периферией» капиталистической мир-системы. В то же самое время природа современной глобальной постиндустриальной экономики вносит существенные коррективы в описание этой проблемы, придавая первоочередную значимость ее технологическим аспектам.

В связи с этим трансформация соотношений между «ядром и периферией» должна изучаться в контексте масштабного технологического сдвига. Происходящие технологические изменения часто рассматриваются в качестве фактора ускоренного роста экономик отстающих стран — в пользу этого говорят и высокие темпы роста «цифровой экономики» в странах третьего мира. Однако вместе с этим есть серьезные основания полагать, что в условиях технологического сдвига разрыв между экономически развитыми и развивающимися странами продолжит увеличиваться. В поддержку этого предположения говорит тот факт, что на сегодня существует существенная разница в уровне расходов на научно-исследовательские и конструкторские работы (НИОКР) между двумя группами стран. С одной стороны, имеющиеся данные позволяют сказать, что за 1996–2015 гг. доля развитых стран в общем объеме мировых расходов на НИОКР несколько сократилась (приблизительно с 84 до 66%). Однако при этом необходимо учитывать, что фактически увеличить свою долю смог только Китай — с 2% до 22%, в результате чего его расходы на НИОКР составляют порядка двух третей в общем объеме расходов развивающихся стран. В то же самое время совокупная доля остальных развивающихся стран за рассматриваемый период времени снизилась с 12% до 11%. Причем внутри этой группы также существует определенное расслоение: так, суммарная доля Бразилии, Индии, России, Турции, Египта, Малайзии, Мексики и Таиланда возросла с 8 до 9%, тогда как доля всех прочих развивающихся стран снизилась с 4 до 2% [5, с. 152]. Аналогичные изменения имели место в отношении такого важного показателя результативности осуществления расходов на науку, как доля в патентовании. Здесь КНР также удалось совершить скачок, тогда как доля остальных развивающихся экономик опустилась с 6 до 4% от общемирового объема. Причем если перечисленная выше группа из восьми стран сумела удержать свой уровень (3%), то доля прочих развивающихся стран снизилась с 3 до 1%, что позволяет говорить о неконкурентоспособности их экономик.

Цивилизационная природа гиперимпериализма

Очень интересно теперь сделать акцент на том, что неолиберально-постмодернистский гиперимпериализм в том виде, в каком мы его определили, имеет ярко выраженную цивилизационную природу, и наличие культурного кода, присущего американской цивилизации, фиксируется очень четко. Уточним, что под «американской цивилизацией» мы понимаем, по сути, развернутый проект европейского модерна, который получил в американском пространстве несравненно больше возможностей для реализации. Ротбард пишет: «хотя либерализм зародился в Англии, с наибольшей последовательностью и радикализмом он сумел развиваться и с наибольшей полнотой реализоваться на практике именно в Америке» [20, с. 13]. *Более того, именно в американском политическом дискурсе либерализм являлся идеологической константой.* Это не случайно, поскольку, как пишет Фуку, для США «притязания либерального типа были исторической точкой отсчета» [28, р. 217]. В отличие от стран Европы, в Америке либерализм представлял собой не просто идеологическое течение, но являлся «целостным способом бытия и мышления». Это значит, что либерализм в данном случае выражал целый ряд характерных особенностей американского культурного кода, был имманентно

присущ сознанию американского общества. Именно в особенностях этого кода нужно, на наш взгляд, искать истоки специфики американской экономической теории, развитой в доктрине неоллиберализма. На этом моменте у нас появляется возможность, исходя из новых (цивилизационных) оснований, выявить причины глубинных соответствий между элементами (и общим настроением) неоллиберальной теории и различными аспектами взглядов идеологов постмодерна. Необходимо при этом оговорить, что теоретические представления последних представляют собой скорее философскую рефлексию той социокультурной действительности, которая реализовалась в американском (и только потом в европейском) обществе. Если же в качестве объекта сравнения мы возьмем не уходящие в перспективу философские проекты, а актуальную социальную реальность, то соответствия проявятся еще более четко. Итак, в качестве доминирующего фактора, определяющего характерные особенности современной экономической системы и обуславливающего их неразрывную связь с парадигмой постмодерна, примем ключевые особенности североамериканской идентичности.

Природа альтернатив

Краткий анализ некоторых чисто экономических аспектов подводит нас к выводу о необходимости поиска экономической альтернативы существующей однополярной системе. Вскрытие же цивилизационных аспектов, лежащих в основе этой системы, ясно указывает на необходимое условие такой альтернативы — ее жизненность должна обеспечиваться выходом за жесткие парадигмальные (экономические, социальные, мировоззренческие) рамки, установленные Западом в процессе его исторической экспансии.

Мы убеждены, что полноценная альтернатива должна с неизбежностью иметь характер цивилизационного проекта. В возможности такого проекта нас убеждает собственная история, а в его необходимости — нарастающий, в том числе среди западных ученых, скептицизм в отношении исторических возможностей капитализма. В частности, ограниченный потенциал этой исторической системы был выявлен школой мир-системного анализа. «Это просто неправда, что капитализм как историческая система представлял собой прогресс по сравнению с различными предыдущими историческими системами, которые он трансформировал или разрушил», — пишет Валлерстайн [30, р. 98]. В отношении же России задача разработки такой альтернативы существенно облегчается на теоретическом уровне наличием глубокой и самобытной интеллектуальной традиции. С одной стороны, необходимо обращение к широкому кругу представителей русской философской и экономической мысли, в первую очередь к творчеству славянофилов — В. Соловьева, Л. Тихомирова, Н. Данилевского, С. Шарапова, К. Леонтьева. Огромную важность представляет тот факт, что эти мыслители старались не отделять вопросы организации экономической жизни от конкретных цивилизационных особенностей. Принятие такого подхода позволит развить экономическую теорию, которая бы соответствовала объективным потребностям страны. Более того, на актуальность ряда конкретных рекомендаций указанных мыслителей обращают внимание и сегодня [13]. С другой стороны, особое внимание следует уделить цивилизационному подходу — в том виде, в каком его развивали представители евразийства (Н. Трубецкой, Г. Вернадский, Л. Гумилев). Необходимо отметить, что сегодня заметны как серьезные теоретические усилия, так и значимые практические шаги на пути воплощения евразийского проекта, в частности, мощное развитие получает евразийская экономическая интеграция.

Подводя итог, можно сказать, что в целом нам удалось установить некоторые структурные соответствия между неоллиберальным и постмодернистским дискурсами, а также отчасти объяснить происхождение этих соответствий. В целом представляется возможным заключить, что идеологическая программа нового либерализма представляет собой упрощенную, «капиталоориентированную» версию постмодернизма. Далее, проведя сравнение с другими идеологиями, мы увидели, какое место занимает неоллиберальный дискурс в общем идеологическом пространстве современности. Мы отметили, что постмарксизм видит в глобализации, осуществляемой под знаменем неоллиберализма,

этап создания материальных условий, в которых будет возможно осуществить переход к новому социальному порядку. Постмодернисты же видят в либеральной глобализации, проходящей в контексте Четвертой промышленной революции, способ создания новой, гибкой, мобильной и плюральной социальности, которая также позволит осуществить переход к новому устройству общественной жизни — своеобразному «либеральному архипелагу» [14]. Существуют, однако серьезные основания для сомнений относительно возможности подобного перехода. С одной стороны, реальные факты свидетельствуют о дальнейшем отставании стран третьего мира и о росте неравенства внутри развитых стран. С другой стороны, становится очевидной несостоятельность большинства формирующихся в рамках рассмотренного нами идеологического ландшафта альтернатив — постольку, поскольку гиперимпериализм, понимаемый как цивилизационное явление, с равной пользой для себя ассимилирует как либеральный, так и постмодернистский и марксистский дискурсы.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос. 2005.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Издательство Уральского университета. 2000.
3. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М. : Рипол Классик. 2017.
4. Валлерстайн И. После либерализма. М. : Едиториал УРСС. 2003.
5. Васильева Ю. А., Кряжева-Черная П. С., Сысоев Ф. И. Статистика расходов на НИОКР и патентования в развитых и развивающихся странах // Современные тенденции и инновации в области социально-гуманитарных наук : материалы Международной научно-практической конференции. 30.01.2018. Самара : Поволжская научная корпорация. 2018.
6. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М. : Логос. 2002.
7. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Праксис. 2011.
8. Грингард С. Интернет вещей: будущее уже здесь. М. : Альпина Паблишер. 2017.
9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория. 2007.
10. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М. : Академический проект. 2014.
11. Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли : курс лекций на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : Евразийское движение. 2009.
12. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. М. : Ад Маргинем Пресс. 2012.
13. Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова. М. : Институт русской цивилизации, Издательский дом «Кислород». 2016.
14. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы. М. : Мысль. 2011.
15. Латур Б. Нового времени не было. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2006.
16. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя. 2016.
17. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс. 2016.
18. Поппер К. Открытое общество и его враги. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 1992.
19. Рассел Б. История западной философии. М. : АСТ. 2017.
20. Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест. М. : Новое издательство. 2009.
21. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М. : АСТ. 2010.
22. Фридман М. Капитализм и свобода. М. : Новое издательство. 2016.
23. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс. 2016.
24. Хайек Ф. Дорога к рабству. М. : АСТ. 2017.
25. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо. 2017.
26. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. London : SAGE Publications Ltd. 1998.
27. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford University Press. 2005.

28. Foucault M. The Birth of Biopolitics. Palgrave Macmillan. 2008.
29. Omae K. The end of Nation State and Rise of Region Economies. HarperCollinsPublishers. 1996.
30. Wallerstein I. Historical Capitalism with Capitalist Civilization. Verso. 1996.

Об авторах:

Мисько Олег Николаевич, доцент, заведующий кафедрой экономики факультета экономики и финансов СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; misko-on@ranepa.ru

Сысоев Филипп Игоревич, магистрант экономического факультета СПбГУ, специальность: экономико-математические методы (Санкт-Петербург, Российская Федерация); karfagen97@mail.ru

References

1. Bauman Z. The Individualized Society. Moscow, Publ. House Logos. 2005. (In Rus.)
2. Baudrillard J. In Shadow of the Silent. The end of the Social. Ekaterinburg : Publ. House of Ural University. 2000. (In Rus.)
3. Baudrillard J. The Spirit of Terrorism. Moscow : Publ. House Ripol Classic. 2017. (In Rus.)
4. Wallerstein I. After Liberalism. Moscow : Editorial URSS. 2003. (In Rus.)
5. Vasilieva J., Kryazheva-Chernaya P. and Sysoev P. Statistics of R & D Expenditure and Patenting in Developed and Developing Countries // Materials of the International Scientific-practical Conference [Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii]. Samara : SIC "Volga Scientific Corporation". 01.30.2018. (In Rus.)
6. Vattimo G. Transparent Society. Moscow : Publ. House Logos. 2002. (In Rus.)
7. Giddens A. The Consequences of Modernity. Moscow : Publ. House Praxis. 2011. (In Rus.)
8. Greengard S. The Internet of Things. Moscow : Publ. House Alpina Publisher. 2017. (In Rus.)
9. Deleuze G. and Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Ekaterinburg : Publ. House U-Faktoriya. 2007. (In Rus.)
10. Dugin A. Noomachia: The War of the Mind. The Logos of Europe: Mediterranean Civilization in Time and Space. Moscow : Publ. House Academic Project. 2014. (In Rus.)
11. Dugin A. Postphilosophy. Three Paradigms in the History of thought : A Course of Lectures at the Philosophy Faculty of Moscow state University. Moscow : Publ. House the Eurasian Movement. 2009. (In Rus.)
12. Ionin L. Political Correctness: A Brave New World. Moscow : Publ. House Ad Marginem Press. 2012. (In Rus.)
13. Katasonov V. Economic Theory of the Slavophiles and Contemporary Russia. Moscow : Institute of Russian civilization, Publ. House Oxygen. 2016. (In Rus.)
14. Kukatas C. The Liberal Archipelago. Moscow : Publ. House Thought. 2011. (In Rus.)
15. Latour B. We Have Never Been Modern. Saint Petersburg : Publ. House of the European University in St. Petersburg. 2006. (In Rus.)
16. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition. Saint Petersburg : Publ. House Aleteya. 2016. (In Rus.)
17. Piketty T. Capital in the Twenty-first Century. Moscow : Publ. House Ad Marginem Press. 2016. (In Rus.)
18. Popper C. The Open Society and Its Enemies. Moscow : Phoenix, International Fund "Cultural Initiative". 1992. (In Rus.)
19. Russel B. A History of Western Philosophy. Moscow : Publ. House AST. 2017. (In Rus.)
20. Rothbard M. For a New Liberty: The Libertarian Manifesto. Moscow : New Publishing. 2009. (In Rus.)
21. Feuerabend P. Science in a Free Society. Moscow : Publ. House AST. 2010. (In Rus.)
22. Friedman M. Capitalism and Freedom. Moscow : New Publishing. 2016. (In Rus.)
23. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Moscow : Publ. House Ad Marginem Press. 2016. (In Rus.)

24. Hayek F. The Road to Serfdom. Moscow : Publ. House AST. 2017. (In Rus.)
25. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow : Publ. House Eksmo. 2017. (In Rus.)
26. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. London, SAGE Publications Ltd. 1998.
27. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford University Press. 2005.
28. Foucault M. The Birth of Biopolitics. Palgrave Macmillan. 2008.
29. Omae K. The End of Nation State and Rise of Region Economies. HarperCollinsPublishers. 1996.
30. Wallerstein I. Historical Capitalism with Capitalist Civilization. Verso. 1996.

About the authors:

Oleg N. Misko, Associate Professor, Head of the Chair of Economics of the Faculty of Economics and Finance NWIM of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); misko-on@ranepa.ru

Philipp I. Sysoev, Masters Student of the SPbSU, Speciality Economic and Mathematics Methods (Saint Petersburg, Russian Federation); karfagen97@mail.ru